

інтерес, який втілюється в ньому. Законодавчий орган, приймаючи закон, перш за все, діє як державний орган і його цілі та мета – досягти інтересів суспільства (публічного інтересу). Цей інтерес досить часто співпадає з іншими інтересами окремих соціальних груп, однак він перманентно існує завжди.

Говорячи про публічні інтереси в приватному об'єктивному праві, то тут питання має ставитися під дещо під іншим кутом. Відслідкувати публічні інтереси у цій сфері права не є складною задачею, однак ці інтереси дещо іншого формату ніж ті, які існують в публічному праві. У приватному праві перед державою як одним із суб'єктів правового регулювання стоїть задача створити сприятливі для реалізації приватних інтересів умови та віднайти баланс між приватними інтересами, які виникають в приватноправовому обороті.

Державні інтереси в приватноправовій сфері можуть проявлятися також і як інтереси приватного порядку. Відповідно до ст. 2 ЦК України держава наряду з фізичними та юридичними особами названа учасником цивільних відносин. Що само по собі вже дає підстави вважати, що сутність державного інтересу у цій сфері є дещо іншого порядку ніж інтереси держави, наприклад, в адміністративному праві. Такі державні інтереси в приватноправовій сфері мають квазіприватний характер, оскільки держава, будучи нерозривно пов'язаною з суспільством, за своєю суттю позбавлена можливості мати «чисті» приватні інтереси.

Є ще один аспект взаємодії об'єктивного права та інтересів. Право створює балансуючі механізми. У разі зіткнення двох чи більше інтересів право має дати відповідь на питання, як віднайти пропорцію.

Список бібліографічних посилань:

1. Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). Ин-т Европы. М. Наука. 1994. 397с.
2. Бандура О. О. Вступ до філософії права. Предмет філософії права. Філософія права: навч. посіб. / за заг. ред. М. В. Костицького, Б. Ф. Чміля. – К. 2000. – С. 5-9.

Татьяна Михайловна ХАЛЕЦКАЯ,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент

О ПРИНЦИПЕ НАУЧНОСТИ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из основных принципов нормотворческой деятельности ст. 7 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» называет

принцип научности. По справедливому замечанию В. А. Кучинского «соблюдение именно этого принципа позволяет избежать противоречий в формировании и трактовке концептуальных правовых положений, понятий, в том числе структуры правоотношений, составов правонарушений, содержания и принципов юридической ответственности и т. п. Игнорирование требований научной обоснованности и согласованности правовых решений нередко приводит к погрешностям в содержании и толковании нормативных правовых актов...» [1, с. 94]. К сожалению, реальность такова, что современное гражданское законодательство Республики Беларусь зачастую отличается научной непродуманностью. Примером тому могут служить положения Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). В частности, Декрет № 8 предусматривает проведение правового эксперимента для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь. Для этого положениями Декрета № 8 резидентам Парка высоких технологий предоставлено право заключать между собой и (или) с третьими лицами договор конвертируемого займа. По договору конвертируемого займа одна сторона (заемодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги, а заемщик при наступлении определенного договором обстоятельства, в том числе зависящего от воли заемщика и (или) заемодавца, либо при совершении заемщиком или третьими лицами определенных договором действий передает заемодавцу принадлежащие заемщику акции, долю (часть доли) в уставном фонде заемщика, находящиеся на балансе заемщика, либо увеличивает уставный фонд на сумму конвертируемого займа с передачей заемодавцу акций, эмитентом которых является заемщик, или доли (части доли) в уставном фонде заемщика. Срок такой передачи (увеличения уставного фонда), цена акций, доли (части доли) в уставном фонде или порядок ее определения, размер и порядок уплаты процентов за пользование займом (при их наличии) предусматриваются сторонами в договоре конвертируемого займа. Заемщик обязуется возвратить заемодавцу выданную сумму денег (сумму займа) вместо передачи указанных акций, доли (части доли), уплатить проценты за пользование займом, только если возврат суммы займа, уплата процентов предусмотрены договором. Включение данного договора в гражданский оборот Республики Беларусь произошло по принципу «сначала практика, и только потом теоретическая проработка вопроса». Однако уже первое ознакомление с определением договора конвертируемого займа вызывает ряд вопросов и, прежде всего, вопрос о том, можно ли данный договор отнести к разновидности договора займа? Несомненно, договор конвертируемого займа обладает некоторыми общими чертами с договором займа, в частности, предметом обоих договором могут выступать денежные средства. Здесь, пожалуй, сходства

и заканчиваются, поскольку в остальном нормы, посвященные в Декрете № 8 регулированию договора конвертируемого займа, находятся в полном противоречии с нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), регулирующими договор займа. Так, в соответствии с п. 1 ст. 760 ГК отличительным признаком договора займа является то, что предметом передачи в рамках этого договора является вещь, определенная родовыми признаками (а деньги также относятся к подобным вещам) и заемщик обязуется возвратить аналогичную вещь, того же рода и качества. Договор конвертируемого займа не предполагает, по общему правилу, возвращения суммы денежных средств заемодавцу, а предполагает передачу совершенно иного предмета – заемщик передает заемодавцу принадлежащие заемщику акции, долю (часть доли) в уставном фонде заемщика, находящиеся на балансе заемщика, либо увеличивает уставный фонд на сумму конвертируемого займа с передачей заемодавцу акций, эмитентом которых является заемщик, или доли (части доли) в уставном фонде заемщика. Кроме того, по смыслу подпункта 5.1 Декрета № 8 договор конвертируемого займа является условным, поскольку предусматривает, что заемщик должен исполнить свои обязательства перед заемодавцем «при наступлении определенного договором обстоятельства, в том числе зависящего от воли заемщика и (или) заемодавца, либо при совершении заемщиком или третьими лицами определенных договором действий». На наш взгляд, данное положение противоречит положениям ГК, регулирующим сделки, совершенные под условием. В частности, ст. 158 ГК предусмотрено, что стороны могут, заключая сделку, связать вступление ее в силу или ее прекращение с наступлением или ненаступлением определенного обстоятельства (действия или события). При этом обязательным признаком такого условия является то, что в момент заключения сделки стороны достоверно не знают, наступит это обстоятельство или нет и влиять на наступление (ненаступление) условия они не могут. В Декрете № 8 отсутствуют также нормы, позволяющие установить особенности ответственности заемщика за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора. Поскольку отнесение договора конвертируемого займа к разновидности договора займа не является очевидным, то применение к данному договору норм гл. 42 «Заем и кредит» ГК, регулирующих ответственность заемщика, вызывает сомнения.

Список библиографических ссылок:

1. Кучинский В. А. Некоторые проблемы правового регулирования в Республике Беларусь // Конституционный контроль: состояние, проблемы, перспективы: сб. выступлений на науч. -практ. конф. / Отв. за вып. : А. В. Марыскин [и др.]. – Минск: Конституционный Суд РБ., – 2009. – С. 91-97.